

ЖИЗЕЛИ — больше ста тридцати лет. «Дон-Кихот» — более века. Седьмой десяток пошел «Шопениане». «Бахчисарайский фонтан» в недалеком будущем отметит сороклетие. Возраст перечисленных балетов — это долгая и плодотворная сценическая история, поколениями отечественные традиции, прославленные актерские имена.

Но эти почтенные, овиденные временем спектакли словно впервые открывались в нынешнем сезоне молодым артистам Большого театра. Ведь «знать наузуть» балет со школьной скамьи — одно. И совсем другое — войти в его состав, самому отвечая за свое понимание порученной роли, оказаться «один на один» с новой работой. И доказывать свое право на эту работу.

«Первое выступление»... Эти слова нередко появляются в программах. Из вереницы дебютов выбираешь самые перспективные, позволяющие угадать будущность танцовщика.

Впервые роль Альберта в «Жизели» исполнил А. Богатырев. Исполнил с непосредственностью, даже некоторой наивностью, которая придала обаятельную окраску партии. Новый Альберт в своей юной беспечности почти не уступает простодушной Жизели. Его обман — не испытанный прием победителя сердец, а нехитрая уловка юнца, обреченная на провал именно из-за своей «неподстрахованности». Альберту Богатырева некогда детально обдумывать, как он скроет свое происхождение: ему важно быть рядом с Жизелью, дышать с ней одним воздухом и поминутно видеть Жизель. Не рассуждающая, не заглядывающая в день завтрашний мальчишеская влюбленность!

Когда перед залом развирывалась простая и вечно волнующая история обманутой Жизели, мы видели не только изощренное мастерство Е. Максимовой и не только естественное волнение ее нового партнера А. Богатырева. Виделось тут нечто большее — судьба двух юных существ, загубленных моральными и сословными предрассуд-

ками своей эпохи. Эти Жизель и Альберт в перспективе уже виделись Ромео и Джульеттой — так отчетливо читалась в спектакле трагедия высокой, не знающей гибели любви.

Самобытность прочтения, способность увидеть и найти новые, близкие своему лирическому складу оттенки и одновременно следование требованиям романтического балета: мягкость, мелодичность, полная настроенная музыкальность, та музыка душевной жизни, которая «слышится» в новом Альберте, — все совпадало с совершенно определенными стилевыми требованиями, какие диктует «Жизель».

НО РАЗВЕ менее отчетливы эти требования в фоксинской «Шопениане»? Воздушное, поэтическое изящество, кружево перестроений: словно светлые мечты — витающие белоснежные ряды танцовщиц. И среди них — окруженный живыми «облаками», стройной чередой силфид — юноша. Такова в идеале «Шопениана», требующая особой точности передачи балетмейстерского замысла, особой тщательности соблюдения всех позиций, особой, кристальной чистоты линий. И назначение А. Годунова показало уместным: танцовщик с легкой, воздушной фактурой, удлинненными линиями, выигранными для сцены пропорциями соответствует столь специфичной, едва ли не самой романтической партии балетного репертуара.

«Шопениана» лишена конкретного сюжета, и танец выражает здесь тончайшие, едва уловимые настроения. Тем сложнее задачи дебютанта, тем большей собранности они требуют. Собранности в

смысле самом прямом — умения сохранить устойчивость и рельефную выразительность каждой позы, умения связать «фразы» своей вариации в стройные, музыкально окрашенные и музыкально оправданные периоды, умения следить за безупречным выполнением «такта» так, чтобы публике не замечала твоих усилий.

Дебют Годунова в «Шопениане» напомнил о том, что одних природных данных еще мало для создания образа, что «Шопениана» требует и куда большей отделанности, и главное — более развитого чувства стиля. У победителя Всесоюзного конкурса молодых артистов балета А. Годунова есть все возможности для такой серьезной и углубленной работы.

И ЕЩЕ один дебют: победитель того же конкурса В. Гордеев показался в «Дон-Кихоте». Близ Китри — Нины Сорокиной — обдуманно и ювелирно отшлифованной трактовки признанной балерины, в исполнении молодого танцовщика были особенно заметны «белые пятна», неотделанные фрагменты танцев и игровых сцен, имеющие в «Дон-Кихоте» важное значение. Партия Базиля связана в зрительском представлении с многокрасочностью приемов, с особой «неутомимостью» танцовщика — неутомимостью в самых трудных танцевальных эпизодах от первого действия до финального дуэта и неутомимостью в проказах, розыгрышах, на которые неистощим, неунывающий герой. Этих свойств пока недостает новому Базилю, и дебют с предельной наглядностью выявил, над чем предстоит работать в дальнейшем молодому солисту.

Конечно, и Гордееву, и

Богатыреву повезло: на каждому молодому танцовщику удается сразу выйти на сцену с такими замечательными балеринами. Но вот недавнее появление в «Бахчисарайском фонтане» новых Марии и Вацлава — И. Прокофьевой и А. Кондратовой, пожалуй, действительно напоминает о целесообразности подготовки сразу дуэта. Тем более что удачная балетная пара — редкость, а Прокофьева с Кондратовым являют собой дуэт единый — и по манере, и по актерской выразительности, и по согласованности, с какой они проводят спектакль.

С момента их первого адажио в зрительском восприятии они существуют вдвоем. И после гибели Вацлава танец Марии — И. Прокофьевой словно хранит отсветы быстролетного счастья. Движения Прокофьевой и Кондратова несуетливы и значительны. Есть в них широта и особая «славянская задумчивость», которая создает ощущение национальной достоверности характера. То и дорого, что за обилием технических задач, неизбежно сопряженных с балетным дебютом, не исчезают и остаются все время перед мысленным взором исполнителей задачи образного порядка. Такие задачи решал и В. Зверев, только что исполнив в «Бахчисарайском фонтане» партию Нуралли. Приятно отметить, что состав спектакля сильно обновился.

Как правило, большинство людей в зале впервые смотрят «Жизель» или «Дон-Кихот», или «Шопениану». И почетная обязанность театра — и в дни дебютных спектаклей подарить публике встречу с прекрасным.

Е. ЛУЦКАЯ.

Творчество молодых

В П Е Р В Ы Е

г. МОСКВА

А 9 АПР 1979